

Информация для цитирования:

Каплун М. В. Звери рече : конструирование маргинального нарратива в «Стефаните и Ихнилате» (в редакции XV века) / М. В. Каплун // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 196—211. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-196-211.

Kaplun, M. V. (2025). Beasts of Speech: Constructing Marginal Narrative in the 15th-Century Edition of “Stefanit and Ichnilat”. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 196-211. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-196-211. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Звери рече:
конструирование
маргинального нарратива
в «Стефаните и Ихнилате»
(в редакции XV века)**

Каплун Марианна Викторовна

orcid.org/0000-0003-2427-2855

ResearcherID J-5635-2018

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

midnight.2022@mail.ru

Институт мировой литературы

им. А. М. Горького

Российской академии наук

(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено

за счет гранта

Российского научного фонда

(проект № 25-28-00091,

<https://rscf.ru/project/25-28-00091/>)

в ИМЛИ РАН

**Beasts of Speech:
Constructing Marginal
Narrative
in the 15th-Century Edition
of “Stefanit and Ichnilat”**

Marianna V. Kaplun

orcid.org/0000-0003-2427-2855

ResearcherID J-5635-2018

PhD in Philology,

senior researcher

midnight.2022@mail.ru

A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

This study was supported by a grant

from the Russian Science Foundation

(Project № 25-28-00091,

<https://rscf.ru/project/25-28-00091/>)

at the A. M. Gorky Institute

of World Literature

of the Russian Academy of Sciences

(IWL RAS)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена принципам конструирования маргинального нарратива в переводном древнерусском памятнике редакции XV века «Стефанит и Ихнилат». Новизна исследования базируется на впервые поставленном вопросе о возможности выявления маргинальных практик повествования в древнерусских текстах указанного периода. Выявлено, что маргинальность нарратива в восприятии древнерусского читателя обеспечивается особенностями повествовательной структуры памятника. Сообщается, что использование авторами славянской версии оригинальной формы произведения приводит к конструированию сюжетной занимательности как череды опоясывающих сюжетов. Показано, что в древнерусском произведении на восточную тематику использование диалогов в качестве основного сюжетного приема начинает функционировать как необходимый базис для создания отдельного нарративного пласта. Подчеркивается, что подобный эффект в памятнике достигается формой рассказа в рассказе от лица неантропоморфных повествователей, одновременно персонажей и сказителей. Доказано, что «неестественность» повествования вскрывается за счет дополнительного подтекста произведения. Автор приходит к выводу о том, что подчеркнутое равноправие героев-зверей и автора, двоякость образов, эффект двоemiрия, изобретательная работа переписчика с текстом дают возможность рассматривать памятник в контексте поэтики литературы рефлексивного традиционализма.

Ключевые слова:

древнерусская переводная повесть; неантропоморфный рассказчик; рассказ животного; маргинальный нарратив; литература рефлексивного традиционализма.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the principles of constructing marginal narratives within the translated Old Russian text “Stefanit and Ichnilat,” specifically its 15th-century edition. The novelty of this study lies in its pioneering inquiry into the potential for identifying marginal narrative practices in Old Russian texts from this period. It is revealed that the marginality of the narrative, as perceived by the Old Russian reader, is facilitated by the distinctive narrative structure of the text. The authors’ use of the Slavic version of the original work results in the creation of a plot that is engaging through a series of interwoven stories. The study demonstrates that in this Old Russian work with Eastern themes, the use of dialogue as a primary narrative device begins to function as a necessary foundation for constructing a separate narrative layer. It is emphasized that this effect is achieved through a story-within-a-story format narrated by non-anthropomorphic narrators who are simultaneously characters and storytellers. The analysis reveals that the “unnaturalness” of the narrative is uncovered through the additional subtext of the work. The author concludes that the pronounced equality between beast-heroes and the narrator, the duality of images, the effect of dual worlds, and the inventive work of the scribe with the text allow for viewing this monument within the context of the poetics of reflective traditionalism.

Key words:

Old Russian translated tale; non-anthropomorphic narrator; animal tale; marginal narrative; literature of reflective traditionalism.

УДК 821.161.1'04

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-196-211

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Звери рече: конструирование маргинального нарратива в «Стефаните и Ихнилате» (в редакции XV века)

© Каплун М. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вопрос о маргинальном повествовании в древнерусской литературе до сих пор практически не ставился исследователями-медиевистами. Отметим, что термин *маргинальный* используется в статье в значении 'неестественный' по отношению к своего рода «неестественному» для литературы Древней Руси типу повествования. Речь идет именно о «маргинальности» нарратива, а не о «девиантности» тем, образов, сюжетов, хорошо представленных в работах О. А. Туфановой о «девиантных» текстах в историческом повествовании Древней Руси, в которых речь идет о фрагментах, представляющих собой сюжетное или бессюжетное повествование, имеющее устойчивый набор композиционных элементов и отличающееся специфической системой определенных элементов топики (поступки или действия человека (группы людей), которые воспринимаются и оцениваются как противоречащие общепринятым нормам), не связанных с маргинальной нарративной [Туфанова, 2024, с. 265—302]. Древнерусская книжность ввиду своей обособленности и не всегда ярко выраженного авторского начала является не вполне очевидным источником экспериментов с повествовательной структурой (особенно что касается текстов до XVII века). Древнерусская литература, как и византийская, в основе своей традиционалистская [Аверинцев, 1996, с. 103]. Жанровая система, а вслед за ней и нарративная специфика литературы Древней Руси имели определенную структуру и стилевые особенности, где автор (часто переписчик), обладая светским или церковным авторитетом, стремился создать четко организованный текст в рамках церковного канона, предназначенный для читателя средневекового мировоззрения [Лихачев, 1971, с. 17]. Более свободным подходом к повествовательной основе отличались древнерусские переводные тексты, часть которых может вполне быть отнесена к литературе рефлексивного традиционализма в русле риторической, нормативной поэтики (термин С. С. Аверинцева) [Аверинцев, 1996, с. 108]. В этом кон-

тексте особый интерес представляют памятники, повествование в которых ведется от лица неантропоморфного рассказчика. Диалоги от лица зверей встречаются, например, в русских баснях или повестях («Сказание о Куре и Лисице», «Повесть о Ерше Ершовиче» и т. д.) и, как правило, имеют сатирический, поучительный характер [Древнерусская литература ..., 1995, с. 120]. Басня как жанр с особенными признаками стал формироваться на Руси во времена Смуты, начиная с 1607 года, трудами переводчика Посольского приказа Федора Гозвинского [Басня ..., 1996]. Проблема в том, что в подобных текстах нарративная (басенная) структура предусматривает определенный аллегорический тип подачи истории, не предполагает «неестественность рассказывания» и не может рассматриваться в русле чисто маргинального типа повествования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — анализ конструирования маргинального нарратива в древнерусской литературе XV века.

Предмет исследования — переводное произведение на восточную тематику с рамочной композицией «Стефанит и Ихниллат».

Методология исследования подразумевает использование метода исторической поэтики, компаративный метод, структурно-семиотический, а также подходы и концепции классической нарратологии и текстологического анализа.

Для древнерусского читателя ближе к маргинальному нарративу стоит греко-славянская версия (переработка) восточного памятника «Списание Сифа Антиоха, — друзии же мнѣша, яко Иоана Дамаскина, зѣло гѣснотворца, — еже о звѣрех, нарицаемых Стефанита, Ихниллата» (сокращенно «Стефанит и Ихниллат» или «Книжица малая Ихниллат»). «Стефанит и Ихниллат» восходит к индийскому эпосу «Панчатантра» (Пятикнижье, Пять назиданий) IV века н. э. и персидско-арабскому варианту под названием «Калила и Димна», см. подробнее историю памятника: [Булгаков, 1877; Пруцков, т. 1, 1980; Стефанит и Ихналлат ..., 2003; Смирнов, с. 7; Стефанит и Ихналлит, 1969; Истоки русской беллетристики ..., 1970, с. 332—333 и т. д.]. До русского читателя текст памятника дошел в рукописях (списках) XV—XVII веков, среди которых исследователи выделяют три основных: Синаодальный, Троицкий и Толстовский [Стефанит и Ихниллат ..., 1969, с. 7—45, с. 46—62, с. 63—102]. По своей структуре «Стефанит и Ихниллат» имеет «рамочную» или «обрамляющую» композицию, так называемую «рамку» в «рамке», когда основное повествование (разговор царя и философа) продолжается рассказами зверей — двух шакалов по имени Стефанит и Ихниллат), в истории которых включаются вставные притчи, басни-

новеллы с обязательным возвращением к сюжету о царе и философе и т. д. (всего около десяти блоков). Считается, что такое композиционно сложное произведение, состоящее из вставных новелл, восходит к «Тысяче и одной ночи», см. структуру памятника: [Пруцков, т. 1, 1980; Истоки русской беллетристики ..., 1970, с. 331; Орлов, 1934, с. 65—69]. В отличие от арабско-греческой версии, где герои прямо называются шакалами, в древнерусской редакции Стефанит и Ихниллат именуется «звѣря два: единъ убо Стефанитъ нарицаемый, другий же Ихниллат», поскольку в славянских языках слова *шакал* (греч. Ὄθώς) еще не существовало [Стефанит и Ихниллат ..., 2003]. «Стефанит и Ихниллат» интересен тем, что представлял собой первый оригинальный памятник русской беллетристики наравне с сербской «Александрией» и содержал редкие черты даже для античной и западной средневековой беллетристики: действующие лица — звери, служащие царям, воюющие и взаимодействующие между собой [Истоки русской беллетристики ..., 1970, с. 324, с. 326].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Маргинальные герои-сказители

Первое отступление от «нормы» повествования в «Стефаните и Ихниллате» происходит в переходе от притчи, рассказываемой философом царю о купце и его сыновьях, к упоминанию быка (теляца): «И пръвѣый убо их на куплю посланъ бысть, имяше же съ собою кола, двоими телци влекома. И приключися на пути в тинѣ единому от телець углубнути. На него же устремися купецъ вкупѣ съ своими, възведоша и от кала, и нужи ради, яже подъят влеком, и изнемог и оставленъ бысть, ниякоже <...> могий ходити. И недоумѣниемъ одержим бывъ, и тихо походивъ семо и овамо, поле обрѣте травоносно и водно, в немже *пребысть* питаяся. Немного *еже посредѣ* и зѣло отолстѣ и отучнѣ Телець и нача ргѣма земля рыти и велми рыкати <...>» [Стефанит и Ихниллат ..., 2003]. Далее появляется лев, испугавшийся рева быка: «Пребываше же близ оногo мѣста царь нѣкий Левъ. Бяху же у него животнии различнии родове: ллове же и медвѣди, волци же и лисици, и инии друзи. Левъ же бѣ возносливъ и грѣдь и скуденъ мудростию. Слышав телчее рыкание и убоясь зѣло; и не хотяще боязни свое явити сущим под нимъ, сего ради стояше на едином мѣсте, не проходя <...>» [Там же]. Сюжетная арка отрывка замыкается на появившихся «мудроумных» Стефаните и Ихниллате и на последовавшем сюжете о горделивом льве, честном быке и завистливом Ихниллате. Приведенные описания из жизни зверей пока сложно назвать «маргинальными» с точки зрения повествовательной структуры. Но, казалось бы, незначительное на первый взгляд упоминание быка уводит читателя от сюжета о царе и философе, и на пер-

вый план выдвигаются звери не только как персонажи очередной притчи, но и как неантропоморфные рассказчики «ветвистых» историй памятника. Два шакала становятся не просто действующими лицами истории, но и повествователями наравне с автором.

Обратим внимание, что прежде, чем перейти непосредственно к рассказу о возвышении и падении Ихнилата, автор знакомит нас с героями истории. Из уст Ихнилата читатель узнает о его идеале, «высокоумном муже», способном достигнуть величия хитростью и коварством: «Высокоумный же муж не до нижних стоит и худых, но горняя ищет и достойнаа им гонит <...> Аще бо великоумный мужъ и благоподателный не на длъго житие проводить, но длъгоживотень вмѣняется, а иже житейскою тѣснотою живяй, не моги ни себе, ни иныа плъзовати, маложивотень есть сый и страстенъ, поне аще и въ глубоку достигнетъ старость» [Там же]; «И великоумный муж присно творить достоание своему въсхожению, скудоумный же присно сходить. Тяготно бо есть, еже от нижних горѣ въскацати, удобно же от горних сходити, едва же въсходить. <...> Подобает убо и нам горняя искати, елико по силѣ, и не точию о своем степени стояти, но и на други преходити» [Там же]. Ихнилат видит свое возвышение в мятущемся льве, царе зверей: «Хощу бо Лвова сумнѣнна присвоение обрѣсти, еже к нему бесѣдованием. Зрю бо его ужасна и всюду недоумѣюшася вкупѣ съ своими воины и мно, яко получу достоание нѣкое от него» [Там же]. Стефанит же считает, что у каждого человека есть свой предел и довольствоваться следует тем, что есть: «Разумѣхъ, яже глаголеши, но разсмотриай, яко всякъ жало имать. И егда есть кто в равночестных честень, достоин ему доволну быти о своем степени. Тацѣ бо есмы и мы <...> и тѣм же лобзаим наше число» [Там же]. Ихнилат планирует войти в ближний круг льва и таким образом возвыситься, считая, что «двѣ бо мѣсте отлучишася великоумному мужу: царстии двори и еже в пустыни от пустынник пребывание» [Там же]. Рассказ Ихнилата, который, по сути, является основным сказителем, тяготеет к более развернутым формам повествования, оставаясь в рамках обозначенного сюжета [Истоки русской беллетристики ..., 1970, с. 336]. Перед читателем формируются два героя-сказителя, один — умный и хитрый, другой — осторожный и опасливый.

Не вполне традиционно и описание героев-зверей повести. Например, лев предстает не лютым и мудрым царем зверей, как было принято в древнерусском bestiarii (см. [Лихачева, 1993, с. 129—137]), а горделивым, доверчивым и недальновидным властителем, легко поддающимся чужому влиянию (будь то бык, шакал или мать льва): «Левъ же бѣ возносливъ и грѣдь и скуденъ мудростию» [Стефанит и Ихнилат ..., 2003]. Несмотря на «животный» нарратив, автор не дает забыть читателю, что речь идет

не о зверином царстве, а о людском, называя подчиненных льва людьми: «Подобаеть убо властелину не точию добродородныа и явленныа почитати, но достойно и словесныа мужа, и не точию о своих людех доволну быти, но и издалеча призывати» [Там же]; «Левъ весь его есть, о прочих не радить. *Шестьми бо* вещми царь небрегомъ есть и ниизлагаеться: еже не искати полезнаа времени, но лютостью умякчатися; а идѣже подобает кротѣти, ту сверѣпети; и еже не имѣти разумныа и вѣрныа своа совѣтники; и еже страшити и крамолити своа люди; и еже побѣжену быти в безсловесных похотех; и побѣжену быти яростью, — к сим же разсматриати временнаа приложения» [Там же]. Следуя традиции Панчатантры, герои-звери одушевлены: «Ихнилать же лукавень бяше нѣкако душею и много разумѣ вешчем достизание» [Там же]. Стефанит говорит о важности душевной красоты: «Украшает словеса разумом, а разум правдою, подавание — тихость, благозрачие образа — душевнаа красота» [Там же]. Душа для героев произведения осязаема, имеет почти материальную ценность. Бык готов отдать душу за своего царя: «И аще бых имѣл тмами душъ, не бых пощадѣл их царева ради угожения». Ихнилат считает, что у души нет цены: «Не вѣси ли, о безумне, яко нѣсть ничтоже в живых честнѣйше, паче душа их?» [Там же]. В одной из притч мышонок возненавидел золото как причину бедствий алчной души: «Возненавидѣх толико злато, яко ни в памяти ми имѣти его, ниже слышети о златѣ, и разумѣх, яко всѣм злым винам лакомаа съвѣсть есть и начал» [Там же]. А. М. Ремизов писал: «Каждая редакция повести представляет себе Ихнелата по-своему <...> Ихнелат очеловечивается, а я его представляю человеком среди “шакалов”, что куда ближе к древнейшему замыслу Панчатантры» [Ремизов, т. 6, 2001, с. 293].

3.2. Маргинальность повествовательной структуры

Вставные притчи от лица шакалов то представляют собой аллегорические сказания из жизни животных, то сменяются рассказами о мире людском. Например, размышления Ихнелата о быстром возвышении неожиданно подкрепляются не басней, а историей юноши у царских ворот: «Ихнилат же: Разумѣх, елика глаголеши, и истинна суть. Но знай дружины наша, яко не бяху преже таковыи, но взидоша от нижних. Хощу убо и азъ таковымъ начати. <...> Глаголет бо ся, яко отрок нѣкий, присѣдя царскимъ вратом, грѣдость отложив и ярость умякчив, и досажение трыпя, и всѣмъ покоряся, скорѣе убо къ цареви присвоиться» [Стефанит и Ихнилат ..., 2003]. Когда Стефанит убеждает Ихнелата в несправедности действий друга, то сначала прибегает к аллегории на сюжет о двух обезьянах и золотом кладе («Глаголетъ бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время престуденно и обрѣтоша ту сокровище злата, яко отшед оттуду, сокрыша в земли и совѣщаша совѣт» [Там же]), а затем рассказывает притчку

о купце, ростовщике и его сыне: «Глаголетъ бо ся, яко купецъ нѣкый, хотя пойти на купю, положи полог у нѣкоего желѣзо за 100 сребреникъ. И егда възратиться от купия, приде к тому, у него же бяше полог, и рече ему: “Дай же ми желѣзо, еже положих у тебе”. Он же рече: “В нѣкоем кутѣ дома моего погребох твое желѣзо и изъѣдоша е мышки. И не жали си о том, понеже к намъ здравъ пришель еси. Но приди к намъ днесъ, да объдемъ и порадуемся о твоёмъ прибытцѣ и доходе”. Он же, послушавъ его, объдова у него. И по объде, изыде пойти в дом свой, и стрѣте сына челоуѣка того, емуже бяше предал желѣзо. И ят его, отведе в домъ свой и скривъ его в куши. И възратися, обрѣте челоуѣка оного въпрашающа всѣхъ о сынѣ своемъ, и рече к нему: “Аще сына своего ищещи, видѣхъ его на въздусѣ носима от орла”. Он же възгласив и рече: “Видѣсте ли орла челоуѣкы носяща по высотѣ?” Он же рече: “Ей! Идѣже мышевѣ желѣзо ядят, ту и орли челоуѣкы въсхыщаютъ на высоту”. Он же позна уме не бывшее, възврати желѣзо, елико бяше приялъ, а сына своего взятъ» [Там же]. На суде Ихнилатъ аргументируетъ отказ от «лжесвидѣтельства» рассказом о сокольномъ и женѣ господина: «Но неповиненъ есмь от сего прегрешения и не подобаетъ ми причастнику быти с вами о пролитии моего крови. Аще бо иже нѣкое солжетъ, мерзокъ и безуменъ является. Колми паче, иже себе лжетъ? Кою ми приобретае похвалу? Блюдѣте убо, да не потомъ раскаетесь, егда ничтоже возможете успѣти. И блюдѣтеся, да не постражете, якоже и лжесвидѣтели. Глаголетъ бо ся, яко нѣкый крагуаръ вжелѣ жену господина на своего, яко леши с нею» [Там же]. Когда повествование от звериного нарратива возвращается к диалогу царя и философа, «чередующаяся» структура не меняется: сначала философъ по просьбѣ царя излагаетъ очередную аллегорію о зверяхъ на заданную владыкой тему, а затемъ переходит к «людской» притчѣ. Сказаніе о черепахе и обезьяне, повествующее о достигшем своего желанія и не способномъ его удержать («Глаголетъся, яко пифици нѣции царя имуще состарѣвшася и заматерѣвшася лѣты многими. С того и старости ради ото власти его изгнаша. Он же, всякимъ недоумѣньемъ одерѣжимъ бывъ, к нѣкоей смоковницѣ при брезѣ морьстѣмъ приде, и пребываше у нея, и ядыше от плода ея. Въ единъ же отъ дни, ядушу ему, паде изъ руку его едина смоква, иже приемши, дивія желва изыде» [Там же]), сменяется рассказом о том, кто хватается за какое-нибудь дело, не разобравшись в немъ прежде, чемъ начнетъ, на примѣре мужа, жены, ихъ младенца и невинно убиенной змеи («Глаголетъся, яко мужъ нѣкый вкупѣ съ своею женою наединѣ живяше и в нѣкой день рече к ней: “Благонадеженъ есми, о жено, яко мужской полъ отрочъ родится намъ, иже со усрѣдиемъ поработаетъ намъ. Смотри, како имя наречемъ ему”. Она же рече: “Престани, мужъ, блядити. Подобенъ еси оному мужу, пролившему медъ и масло” <...> Таже роди отрока жена его, и по нѣкихъ днѣхъ

рече жена к мужу своему: “Приди, сѣди здѣ у отрока”. И той отшедши, призван бысть от властелина мужь ея, и оста дѣтищь единь. И приключися абие присмакаться змии на дѣтища. И видѣвши его невѣстка, въскочивши, зубы всече его. Дошедши муж и видѣв невѣстка окровавленна зминою кровию, и мняше, яко отроча его снѣла есть. И не потръпѣвъ, дондеже видит отрока, по главѣ сию немилостивно ударивъ, уби. Вшедше же, отрока цѣла обрѣте и змиа здробленна зѣло и раскаявся, плакася горко. И тако убо тшашеся на многиа вещи без разсуждения согрѣшаютъ» [Там же]. Подобные переходы могли создавать у древнерусского читателя определенный диссонанс восприятия текста, в котором мир существует как бы в двух плоскостях: земной (людской) и над(около)земной (животный).

Переход от рассказа к рассказу в памятнике осуществляется путем диалоговой формы («Стефанит / Ихниллат же рече») с последующим обращением к обезличенной формуле «рассказывают» («глаголетъ бо ся», «глаголется, яко»). Например, сюжетная арка об Ихниллате, успокаивающем льва, «убоявшегося» рева быка, переходит к притче о лисице и барабане («Глаголетъ бо ся, яко лисица нѣкаа, алчющи и пища ищущи, и приключися ей вещь нѣкаа обрѣсти — тимпан, зовомый *бубень*, на древѣ висящъ и вътром колѣблем, глас испущати» [Там же]). Рассказ о замысле Ихниллата продолжается притчей о вороне и змее («Глаголетъ бо ся, яко врань нѣкый въгнѣждашеся в нѣкоем древѣ в горѣ и от нѣкогого змиа на всяко время обидим бываше и птенца его снѣдаше» [Там же]). Козни Ихниллата против фаворита льва быка подкрепляются его же рассказом о глупом льве и хитром зайце («Истинну рекль еси, яко таков есть. Но имам его ниизложити по искушению. Дръзю бо и вѣруу многим вещем еже быша въ многих. Ибо заець лва ниизложил есть» [Там же]). Учитывая басенный, а, следовательно, дидактический характер «Стефанита и Ихниллата», необычным можно назвать двусмысленную природу истолкования представленных рассказов. В древнерусской литературной традиции притча или аполог всегда завершалась четкой и ясной моралью — победой добра над злом, в то время как образы героев и сами притчи «Стефанита и Ихниллата» не так однозначны (конфликт между хищным «кровоядцем», простаком — «травоядцем» и хитрым зверем в памятнике часто заканчивается победой не справедливости, а хитрости или силы) [Стефанит и Ихниллат ..., 1987].

Маргинальный нарратив «Стефанита и Ихниллата» формируется и за счет возможности дуалистического толкования добра и зла героями-повествователями. Ихниллат, стравивший льва и быка (двух друзей) с целью самому стать фаворитом льва, оправдывая себя, открыто говорит о добре и зле как двух равных мерах: «Вижь, яко всякъ, тшайся на благое, готовь есть да зло постражетъ» [Стефанит и Ихниллат ..., 2003]. Стефанит, одновременно

переживая за друга и боясь наказания за преступление Ихнилата, выпивает яд. Ихнилат сначала оплакивает друга, проклиная жизнь, но на суде ведет себя, как ни в чем не бывало, отказываясь «наговаривать» на себя: «Аще бо иже нѣкое солжет, мерзок и безумень является. Колми паче, иже себе лжет? Кою ми приобретае похвалу? Блюдѣте убо, да не потом раскаетесь, егда ничтоже возможете успѣти. И блюдѣтесе, да не постражете, якоже и лжесвидѣтели» [Там же]. Мать льва, пытаясь восстановить справедливость и доброе имя сына, сначала строит козни против Ихнилата и в итоге уговаривает сына-льва казнить шакала, апеллируя к дальнейшим проявлениям безнаказанного зла в царстве. Герои-рассказчики не просто передают притчи друг другу с незатейливой моралью, но намеренно формируют нужное отношение и настроение (принятие или отторжение) у древнерусского читателя, оставаясь при этом персонажами заданной истории.

3.3. Автор и прочие маргиналии

Но для утверждения преобладания в памятнике маргинального типа повествования важен вопрос об авторском начале в повести. В заглавии памятника присутствует имя Иоанна Дамаскина, но об авторстве здесь говорить не совсем верно, поскольку древнеславянская письменная традиция иногда приписывала известным писателям (таким как Иоанн Златоуст или Иоанн Дамаскин) произведения, авторство которых было либо анонимно, либо недостаточно авторитетно. Наиболее вероятным автором памятника, установленным в заглавии Синодального списка, считается протовестиарий (придворный чин церемониймейстера) антиохийского дворца Сиф Антиох [Стефанит и Ихнилат ..., 2003]. Авторский «голос» в списке памятника из Синодального собрания появляется только в конце произведения. Автор-переписчик заканчивает повесть греческим молитвословием, сетуя, что неким писателем (оригинальным автором, а не переписчиком) произведение не дописано: «Нѣкоторымъ списателемъ мудраа сия притча не дописана. И уже время, възлюбленне, и мѣ сладкую отеческихъ сократити бесѣду. Богъ челоуѣколюбивый да покрыеъ насъ своею благодатию, молитвами святыхъ своихъ, яко благословенъ еси во вѣки, аминь. А писана сия притча послѣдняго сего ста седмыя тысяща 87 г., октоврия. Триас и агиа, докса си! 3 греческихъ книгъ на русскій языкъ переведено» [Там же]. Куда интереснее оказывается финал «Стефанита и Ихнилата» из собрания А. Гранкова. Список дошел в скорописной манере и формально относится к началу XVII века, но в конце приводится дата 6990, то есть 1482 год (интересующий нас конец XV века): «Некоторымъ списателемъ мудраа сия притча не дописана, но уже время, възлюбленне, и мне сладкую отчьскихъ словесъ сократити бесѣду. Богъ челоуколюбивый да покрыетъ насъ своею благодатию молитвами всехъ святыхъ, аминь. А писахъ послѣднаго ста 6 тысяща

девятого лета, марта, со слов. Поеже седми дньми совершил мир, и поеж седмиысушными леты будет кончина, понеже свойственно квасу (?). В начале бог сы слово во отцы с духом — се есть глава, ноги же яко и бог сый паки приидет судия, конец совершая, еже по нас совершения, на конец бо всего тела суть ноги и убо главы ради сказовати се еже бяше, ногу же ради — еже будет, а внутренних же ради — еже есть; присно о нем же Иванны непщюю реши: “Сый еже бяше, и гряды п начало и среда и конец”. Се писах аз последний во иноцех грешный Евсевие, родом сербин, от племеню по отцу Николина по матери же Рагисала и отцу имя Борша, а матери Елена, внук юнака севастократора. Во юностех же бех слуга царя турскаго Ильдрам Баазита, бежав же от царя того в Святую гору, постригохся. Аще хощещи уведати имя писавшаго се, и то напишю ти: пятьдесят равными шестерицами, осморечным да исполни, единоци четыредесятное, седмицею совершенною десятици почти, к сим же девятое число с пятым присовокупи, четверосу<гу>бными конец приемлет» [Гранков, 1966, с. 199—200]. Любопытно, что в приведенном списке указаны два автора, один открыто (инок Евсевий со всей родословной), а имя второго автора зашифровано тайнописью (цифрами 50, 6, 40, 7, 10, 9, 5, 4). Упоминание пятидесятницы, сорокоуста, седмицы отсылают читателя к монашескому происхождению соавтора. В данном случае употребление тайнописи можно считать проявлением смирения, ради которого пишущий, хотя и желает оставить память о себе, но находит нескромным называть себя открыто. Подобный вариант криптографии — достаточно частый вид тайнописи в юго-славянских и русских памятниках письма [Сперанский, 2011, с. 3]. В конце произведения автор-книжник продолжает своеобразную «игру» с читателем, предлагая ему самому отгадать, кем переписан памятник, и кто является основным повествователем.

Стоит отметить, что Синодальный список «Стефанита и Ихнилата» содержит интерполяции (маргиналии), убранные в последующих редакциях. Отметим, что в данном случае маргиналия — это текст, расположенный вне строк основного текста, один из видов порчи текста, вставка более позднего происхождения в каком-либо тексте или документе, которая никогда не существовала в оригинальном тексте и не принадлежит автору текста [Кудрявцев, 2005, с. 60—63]. Текстологический анализ славянской версии памятника говорит о том, что оригинальный текст подвергнулся редактуре не единожды. В разных списках были вырезаны главы, не относящиеся к основной фабуле «Стефанита и Ихнилата» для придания истории сюжетной последовательности (переписывание истории двух шакалов на Руси продолжалось вплоть до XVII века) [Стефанит и Ихнилат ..., 2003; Пыпин, 1958, с. 160—168]. Вынесенные на поля интерполяции (Иного / Сушее)

свидетельствуют о попытке создать дополнительный подтекст произведения, хотя и не без оговорок. Исследователями неоднократно отмечалось, что интерполяции не влияли на основной текст, более того, иногда входили с ним в явное противоречие (притча была об одном, а заметка на полях совершенно о другом и с другой моралью) [Стефанит и Ихнилат ..., 2003]. Некоторые пометы содержали прямое обращение к читателю: «Зри, о иноче, и бегай таковыя пища»; «Зри, как сильный многаши убоиться несилаго» и т. д. [Стефанит и Ихнилат ..., 1969, с. 8]. Однако подобное обращение могло означать намеренное создание эффекта присутствия автора в произведении с заведомо оригинальным (звериным) рассказчиком. Как указывал Д. С. Лихачев: «С точки зрения древнерусского автора, в мире существует вечная соотнесенность двух миров — божественного и земного. Земной, временный мир имеет вневременный, надмирный смысл. Смысл этот не абстрактный, не вносимый в него человеческой мыслью, а, с точки зрения средневекового писателя, как бы вполне конкретный, реально существующий» [Лихачев, 1971, с. 306]. Такой подход близок традиционалистской литературе, например, «чувство авторства в эйдетической поэтике развивалось именно на почве неавтономной причастности “я” Богу и миру» [Бройтман, т. 2, 2004, с. 127]. Можно говорить о зачатках изображения животного «антимира», ставшего характерным для древнерусской сатирической повести в XVII веке (например, «Повесть о Ерше Ершовиче») [Древнерусская литература ..., 1995, с. 117—121]. Шакалы-сказители не только герои собственной истории, но и представители чуждой в представлении средневекового человека фауны. В финале собственной сюжетной арки рассказчики погибают, о чем говорит автор («Стефанит же *прискрѣбень* бьвь и пристрашен и шед напои себе яда и издше», «Видѣ убо Левъ насилие матери своея, повелѣ, да убьют Ихнилата») [Стефанит и Ихнилат ..., 2003]), возвращая читателя к началу сюжета о царе и философе, то есть к традиционному нарративу.

4. Заключение = Conclusions

В древнерусской письменности XV века переводной памятник «Стефанит и Ихнилат» можно вполне назвать не только первым явлением «романа без героя» на Руси, но и начальной попыткой создания нарративно-сложного текста [Пруцков, т. 1, 1980]. Это вполне объяснимо, если рассматривать произведение в контексте круга философско-нравоучительной книжности. Как указывает О. П. Лихачева, в отличие от первоисточника славяно-русская версия памятника относится не столько к басенному циклу, сколько к сборнику изречений [Лихачева, 1993, с. 136]. Но «изречения» в данном случае представляют собой сложный базис для создания маргинального типа по-

вестования (истории перебиваются другими историями, герои становятся рассказчиками). Литературные «излишества» «Стефанита и Ихнилата» явно были еще чужды русскому книжнику XV века, поскольку этот памятник обладал чертами литературы Нового времени [Стефанит и Ихнилат ..., 2003]. Авторы-переписчики старались, чтобы новое и оригинальное в повести не противопоставлялось традиции, а существовало внутри канона [Бройтман, т. 2, 2004, с. 127]. Но оригинальность нарративной формы восточного памятника оказалась необычной даже с поправкой на притчевый характер произведения, особенно в сравнении с существующим канонам жанра повести указанного периода. В нарративном отношении «Стефанит и Ихнилат» имеет все признаки жанра повести, который формировался на Руси с XI века под влиянием переводных произведений, преимущественно с греческого, и объединял повествовательные произведения разного характера (собственно повесть, житие, летописная повесть, сказание, «поведение», «слово»), см.: [Державина, 1968, стб. 817]. Подобный подход дает возможность отнести «Стефанита и Ихнилата» к произведениям рефлексивного традиционализма, зарождающегося на Руси. Маргинальность нарратива обеспечивается особенностями повествовательной структуры памятника, с одной стороны, поданной в виде диалогичной формы в русле основного сюжетного приема, а с другой, переходящей в отдельный нарративный пласт (рассказ в рассказе от лица неантропоморфных повествователей, одновременно персонажей и сказителей), в котором «неестественность» повествования достигается за счет обнаружения дополнительного подтекста (подчеркнутое равноправие героев и автора, двоякость образов, эффект двоемирия), изобретательной работой с текстом (использование авторами славянской версии оригинальной структуры произведения при конструировании сюжетной занимательности, как череды опоясывающих сюжетов), притчевой выразительностью, создающими у читателя XV века определенное настроение (принятие / отторжение) на интуитивном уровне.

На примере переводного памятника Древней Руси в редакции XV века можно проследить специфику конструирования повествования с маргинальными особенностями в литературных текстах, где «маргинальность» ввиду традиционалистской направленности не являлась «естественным» экспериментом. Исследования подобных, по-своему уникальных для древнерусской книжности произведений, написанных до XVII века, представляются достаточно любопытной перспективой для дальнейших научных исканий в области разнообразных нарративных практик русской литературы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Басня* // Литература Древней Руси : Биобиблиографический словарь. — Москва : Просвещение : Учеб. лит., 1996. — 238, [1] с.
2. *Державина О. А.* Повесть древнерусская / О. А. Державина // Краткая литературная энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1962—1978. — Т. 5 : Мурари — Припев. — 1968. — Стб. 817—820.
3. *Пруцков Н. И.* Литература середины XV — первой четверти XVI века. Повести [Электронный ресурс] / Н. И. Пруцков // История русской литературы. Древнерусская литература. — 1980. — Режим доступа : <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/pruckov-drevnerusskaya-literatura/povesti-6.htm> (дата обращения 02.01.2025).
4. *Ремизов А. М.* Повесть о двух зверях Ихнелат / А. М. Ремизов // Собрание сочинений. — Москва : Русская книга, 2001. — Т. 6. — С. 265—294. — ISBN 5-268-00495-6.
5. *Стефанит* и Ихниллат [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — Т. 8. — Режим доступа : <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5130> (дата обращения 02.01.2025).
6. *Стефанит* и Ихниллат [Электронный ресурс] // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Ленинград (С.-Петербург) : Наука, 1987. — Выпуск 1—3. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/slovar-knizhnikov-i-knizhnosti-drevnej-rusi/690#source> (дата обращения 02.01.2025).
7. *Стефанит* и Ихниллат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. / изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье ; пер. греч. текста Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. — Ленинград : Наука, 1969. — 250 с.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Историческая подвижность категории жанра : опыт периодизации / С. С. Аверинцев // Риторика и истоки европейской литературной традиции. — Москва : Школа “Языки русской культуры”, 1996. — С. 101—115. — ISBN 5-88766-001-5.
2. *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы : учебное пособие : в 2 т. — Москва : Академия, 2004. — Т. 2. — 368 с. — ISBN 5-7695-1591-0.
3. *Булгаков Ф. И.* О происхождении и литературной истории старинной повести русской “Стефанит и Ихниллат” / Ф. И. Булгаков ; сост. по поручению Лит. отд. “О-ва любителей древ. Письменности”. — Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1877. — [2], 33 с.
4. *Гранков А.* Неизвестная концовка «Повести о Стефаните и Ихниллате» / А. Гранков // Русская литература. — 1966. — № 1. — С. 199—200.
5. *Древнерусская* литература: Изображение природы и человека / [А. С. Демин, А. С. Елеонская, В. М. Кириллин и др. ; отв. ред. А. С. Демин] ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Специализир. изд.-торговое предприятие “Наследие”, 1995. — 334, [1] с. ISBN 5-86562-014-2.
6. *Истоки* русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. Я. С. Лурье. — Ленинград : Наука, 1970. — 597 с.
7. *Кудрявцев С. А.* Маргиналии в кириллической книжности XVI—XVII вв. / С. А. Кудрявцев // Уральский сборник. История. Культура. Религия. — 2005. — Выпуск 6. — С. 60—74.

8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — 2-е изд., доп. / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Художественная литература, 1971. — 414 с.

9. Лихачева О. П. Лев — лютый зверь / О. П. Лихачева // Труды Отдела древнерусской литературы. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1993. — Т. XLVIII. — С. 129—137.

10. Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков / А. С. Орлов // Академия наук Союза Советских Социалистических Республик, Научно-популярная литература. — Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1934. — 169, [1] с.

11. Пытин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских / А. Н. Пытин // Ученые записки Второго отд. Академии наук. — 1858. — Книга 4. — С. 158.

12. Смирнов С. Стефанит и Ихнилат. Очерк из истории странствующих сказаний / С. Смирнов // [Древняя русская литература. Русская литература XVIII в.]. — [Б. м.] : [б. и.], [конец XIX — начало XX]. — 30 с.

13. Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма / М. Н. Сперанский. — Москва : URSS, 2011. — 168 с. — ISBN 978-5-397-01902-6.

14. Туфанова О. А. «Девриантный» текст в историческом повествовании Древней Руси : к постановке проблемы / О. А. Туфанова // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН ; гл. ред. О. А. Туфанова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2024. — С. 265—302.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025,
одобрена после рецензирования 27.03.2025,
подготовлена к публикации 09.04.2025.

Material resources

Derzhavina, O. A. (1968). The Old Russian Story. In: *Short literary encyclopedia*, 5. Moscow: Soviet Encyclopedia. 817—820. (In Russ.).

Fable. (1996). *Literature of Ancient Russia: A bio-bibliographic dictionary*. Moscow: Prosvetshchenie: Ucheb. lit. 238, [1] p. (In Russ.).

Likhachev, O. P., Lurie, Ya. S. (eds.). (1969). *Stephanite and Ichnylate. The medieval book of fables based on Russian manuscripts of the XV—XVII centuries*. Leningrad: Nauka Publ. 250 p. (In Russ.).

Prutskov, N. I. (1980). Literature of the middle of the XV — first quarter of the XVI century. *Novellas. History of Russian Literature. Ancient Russian literature*. Available at: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/pruckov-drevnerusskaya-literatura/povesti-6.htm> (accessed 02.01.2025). (In Russ.).

Remizov, A. M. (2001). The Tale of the Two Beasts of Ichnelat. In: *Collected Works*, 6. Moscow: Russian Book. 265—294. ISBN 5-268-00495-6. (In Russ.).

Stefanit and Ichnilat. (1987). In: *Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia*, 1—3. Leningrad (St. Petersburg): Nauka Publ. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/slovar-knizhnikov-i-knizhnosti-drevnej-rusi/690#source> (accessed 02.01.2025). (In Russ.).

Stefanite and Ichnilate. (2003). In: *Library of literature of Ancient Russia*, 8. St. Petersburg: Nauka Publ. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5130> (accessed 02.01.2025). (In Russ.).

References

- Ancient Russian literature: The image of nature and man.* (1995). Moscow: Specialized publishing house-trading company “Heritage”. 334, [1] p. ISBN 5-86562-014-2. (In Russ.).
- Averintsev, S. S. (1996). Historical mobility of the genre category: the experience of periodization. In: *Rhetoric and the origins of the European literary tradition*. Moscow: School of Languages of Russian Culture. 101—115. ISBN 5-88766-001-5. (In Russ.).
- Broitman, S. N. (2004). Historical poetics. In: *Theory of literature: a textbook: in 2 volumes, 2*. Moscow: Akademiya. 368 p. ISBN 5-7695-1591-0. (In Russ.).
- Bulgakov, F. I. (1877). *On the origin and literary history of the ancient Russian novel “Stephanite and Ichnilate”*. St. Petersburg: V. S. Balashev Publishing House. [2], 33 p. (In Russ.).
- Grankov, A. (1966). The unknown ending of “The Tale of Stefanita and Ichnilata”. *Russian Literature, 1*: 199—200. (In Russ.).
- Kudryavtsev, S. A. (2005). Marginalia in Cyrillic literature of the XVI—XVII centuries. *Ural Collection. History. Culture. Religion, 6*: 60—74. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1971). *Poetics of ancient Russian literature*. Leningradskaya: Khudozhestvennaya literatura. 414 p. (In Russ.).
- Likhacheva, O. P. (1993). The Lion is a fierce beast. In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature, XLVIII*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 129—137. (In Russ.).
- Lurie, Ya. S. (ed.). (1970). *The Origins of Russian Fiction: The emergence of narrative genres in Ancient Russian literature*. Leningrad: Nauka Publ. 597 p. (In Russ.).
- Orlov, A. S. (1934). Translated stories of feudal Russia and the Moscow state of the XII—XVII centuries. In: *Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics, Popular Science Literature*. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 169, [1] p. (In Russ.).
- Pypin, A. N. (1858). An essay on the literary history of ancient Russian novels and fairy tales. *Scientific notes of the Second Ed. Academy of Sciences, 4*: P. 158. (In Russ.).
- Smirnov, S. [late XIX — early XX]. Stefanite and Ichnilate. An essay from the history of wandering tales. In: *Ancient Russian Literature. Russian literature of the XVIII century*. [b. m.]: [b. i.]. 30 p. (In Russ.).
- Speransky, M. N. (2011). *Secret writing in the South Slavic and Russian monuments of writing*. Moscow: URSS. 168 p. ISBN 978-5-397-01902-6. (In Russ.).
- Tufanova, O. A. (2024). “Deviant” text in the historical narrative of Ancient Russia: towards a problem statement. In: *Hermeneutics of ancient Russian literature. Collection 23*. Moscow: IMLI RAS. 265—302. (In Russ.).

*The article was submitted 05.02.2025;
approved after reviewing 27.03.2025;
accepted for publication 09.04.2025.*